

Анна Маркина

Жёрдочка-человечек

* * *

Чтобы двигаться, можно совсем не идти.
Потеплеет и тронется лёд.
Много лет уже, запертый на карантин,
гражданин никуда не идёт.

Переждать. И других, и себя побережь,
отложить на потом Рагнарёк.
Сохраним тебя, славная русская гречь —
катастрофы большой поперёк.

Нам поможет больница и универмаг.
Непреклонен природный конвой.
Что там ценится нынче на рынке бумаг?
То, что ты забираешь домой?

Через страх, через боль, соблюдая режим —
кто под землю, в нору, кто на травку, —
мы когда-нибудь всё это перележим
да и с богом пойдём на поправку.

* * *

Морзянка утра: лиственные точки,
тире ветвей. Ворчание ОРВИ.
Иди, чумной, гулять на поводочке
у смерти, жизни, боли и любви.

На нежность и прощение скупая,
зима на простынях за белизной
лежит и от себя не отпускает,
как тихо умирающий больной.

Маркина Анна Игоревна — поэт, прозаик, переводчик. Родилась в 1989 году. Окончила Литературный институт им.А.М.Горького. Сооснователь литературного журнала «Формаслов» и одноименного издательства. Автор книги стихов «Кисточка из пони» (М., 2016) и повести «Сиррекот, или Зефирова Гора» (М., 2019). Финалист Григорьевской премии, Волошинского конкурса, премии «Нонконформизм» и др. Член арт-группы #белкавкедах. Живет в Люберцах.

За лебединым, дроздовым, вороньим,
по слёзному, по тающему льду
пройдём и это время похороним.
А я под снегом стёклышко найду

и под него у сердца где-то спрячу
за светом в обрамлении чумы
солёный гул и поцелуй горячий,
и образ обессиленной зимы.

* * *

Под крышей неба — птичий беспредел.
Состав домов торжественно гудел
И лошади мотора грозно ржали,
Когда район и сумрак голубой,
И полки книг, возглавленных тобой,
От снежного перрона отъезжали

По нежности раздавленной моей —
От тёплой кроны до худых корней.
Пел гимны на прощание Новалис,
Кондуктор привставал на стремянах.
Но где-то в параллельных временах
Мы всё же на перроне оставались.

Луна была поставлена с трудом,
И в долгом ожидании седом
Игла скользила по её пластинке
И высекала что-то про l'amour,
Сам воздух пел, как будто Азнавур,
И нежность удержалась на тростинке.

* * *

Раз в году приезжаешь к родне
и стараешься быть на волне,
но течение мыслей относит
от их быта, где стынет река
прокисающего молока
и опоры стоят на откосе.

Ты, зелёный тепличный побег,
чем поможешь ты им, человек
надувной, помидорка столичная?
Запечён под московской фольгой,
ты настолько нездешний, другой,
что они тебя ловят с поличным:

мало шлѣшь о себе новостей,
не заводишь собак и детей.
А работа? А выпить? А замуж?
Переходишь молчание вброд.
Прополов небольшой огород,
к легкокрылым делам уезжаешь

от их дома, где печка чадит,
где надежда берѣтся в кредит,
от малюсенькой точки на карте.
И о маме скучаешь сильнее,
и обрубки усталых корней
волочишь через темень плацкарта.

* * *

Под прикрытием трав убегает Ока,
дождь грохочет — стрельба боевая...
по планете, по всем её материкам.
Так мотыга проходится по мотылькам,
так прозрачная чушь наполняет стакан,
и в прикуску её выпивают

с бутербродом заветренных маленьких букв —
белый мякиш центральных каналов.
И повесточный миксер взбивает фейсбук
до белкового пика, до поднятых рук.
И, стеснённые шумом, на солнечный звук
улетают седые журналы.

И сидишь ты такой... над текучей Окой,
дождь по сытой поверхности бѣт.
И всё кажется медленной, грязной рекой,
потому что нет правды уже никакой,
потому что парадно, как нежный левкой,
на ветру расцветает враньѣ.

Инфоливень гудит, инфоливень идѣт.
Но не колетса крепкий орешек:
Златосердый, мышастый, родной идиот,
против всякого зла применяющий йод,
белый парус надежды ещё узнаѣт
в облаках и цветенье черешен.

* * *

Силу теряет венчик.
Чёрным исписан лист.
Жёрдочка-человечек,
Как по тебе прошлись!

Ах, человечек тонкий,
Если бы жизнь другая
И по тебе не топали
Болотными сапогами?

Был бы ты полнокровной
Чёрточкой меж слогами,
Что образуют слово
Над хлебными берегами,

А не больным трёхзвучьем
Бешеных сторожих,
Жёрдочкой перекрученной,
Брошенной под чужих.

* * *

Памяти ослеплённая эскадрилья.
Воздух ночной печали моей черней.
Боли фантомные ошеломлённых крыльев,
срубленных у корней.

По-барбарисьи рассвет нависает кисло,
держит под розовой своей слюдой
ровные, спящие в иле озера смыслов
с мёртвой твоей водой.

В полдень наш двор соломенно запекается.
Если в начальной ремарке висит ружьё,
то не спасут ни чтение, ни лекарства,
выстрелы бьют над «ё»,

и в этой тяжести двух разведённых точек,
что не сводимы больше к одной оси,
ночь даже днём всё под крылом висит,
выстрелы мыслей бьют под прикрытием ночи.